

СПЕЦНАЗ

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

В коллаже использованы элементы иллюстраций
И. Варавина и А. Соловьева

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Evan Lorne, cybrain, Gorodenkoff, Jelena Aloskina,
diy13 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Конвейер смерти / Сергей Самаров. — Москва :
Эксмо, 2018. — 288 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-095721-7

Капитан спецназа ГРУ Алексей Ветошкин получил задание внедриться в подпольный наркосиндикат и уничтожить лабораторию по производству новейшего психотропного препарата. Все предыдущие попытки остановить преступный конвейер окончились провалом, засланные агенты бесследно исчезли. Для выполнения задания Ветошкину предстоит привыкнуть к чужому имени, в короткий срок освоить повадки матерого уголовника, научиться свободно разговаривать на незнакомом языке... Капитан тщательно вживается в образ, понимая, что в логове синдиката его ждет жестокая проверка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095721-7

ПРОЛОГ

Я в кабине головного грузовика автоколонны возвращался вместе с ротой с гарнизонного стрельбища, где мы испытывали новый стенд с перемещающимися в горизонтальной поперечной плоскости мишенями, когда мне на трубку позвонил наш комбат, подполковник Васильков, и категорично потребовал сразу по возвращении прибыть к нему в кабинет. Вообще Александр Васильевич сам по себе человек добродушный и предельно вежливый, от природы лишенный армейской суровости, и иногда даже приходилось удивляться, что этот мягкий человек делает в армии, да еще в такой жесткой его составляющей, как военная разведка. И потому уже по одному его тону я понял, что рядом с ним находится кто-то посторон-

ний, которому потребовалось со мной пообщаться.

— Понял, товарищ подполковник. Как только вернемся, сразу прибуду, — пообещал я. — Но нам до КПП еще минут двадцать добираться.

— Мы тебя ждем... — подтвердил комбат мою догадку, делая акцент на «мы», и я задумался над причиной подобного вызова, причем высказанного в категоричной форме.

Боевая командировка отпадала, поскольку моя рота только неделю назад вернулась с Северного Кавказа и я все последние дни был занят подготовкой документов на демобилизацию тридцати двух бойцов, у которых завершился срок срочной службы. В таком положении, когда еще не прибыло пополнение больше чем пятой части роты и пока оно не прошло хотя бы частичное обучение, никто разведывательную роту в «горячую точку» не отправит. Кроме того, подполковник Васильков произнес фразу «Мы тебя ждем...». Это я выделил особо. Отправка роты в боевую командировку не подразумевала содействие какой-то другой стороны, и мне трудно было предположить, что именно

от меня потребовалось подполковнику. Я не стал забивать себе голову догадками, тем более что был другой важный вопрос, требующий моего решения. Сразу у пятерых бойцов моей роты завершался срок контракта. Трое из пятерых сами желали контракт продлить и продолжить службу, но двоих требовалось уговаривать. С ними, естественно, проводили беседы командиры взводов, но пока безрезультатно. Особенно мне хотелось оставить младшего сержанта контрактной службы сапера Матвея Кораблева как главного ротного «технаря», способного произвести ремонт любого вида оружия и боеприпаса. Матвей, сын мастера-часовщика, был способен из электрической мясорубки, соковыжималки и комплекта женских заколок для волос сделать скорострельную пушку любого калибра, в зависимости от того, какие снаряды попадутся по руку. Так уж его мозг устроен. Подобные способности даже в среде профессиональных оружейников — редкость, и Матвея уже много раз пытались переманить в батальонную оружейно-ремонтную бригаду. Но у него характер слишком боевой, чтобы променять, например, бой в окружении на кабинетную

или цеховую работу от звонка до звонка. И я занялся подыскиванием аргументов, которые могли бы убедить Матвея продлить контракт.

Постучав в дверь и дождавшись приглашения, я четким шагом вошел в кабинет подполковника и сразу узнал находившегося там генерала ФСБ Кабакова.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу подполковнику, — произнес я уставную фразу.

— Обращайся, — небрежно отмахнулся Сергей Павлович пухлой рукой и, повернувшись ко мне спиной, стал смотреть в окно на наш военный городок.

— Товарищ подполковник, капитан Ветошкин по вашему приказанию прибыл.

— Вижу, что прибыл. Присаживайся... — Васильков улыбнулся чуть виновато и кивнул в сторону Кабакова: — Вот, товарищ генерал по твою душу прибыл. Могу оставить вас здесь для разговора. Могу сам остаться в кабинете и предоставить вам возможность поговорить на свежем воздухе.

— Мы лучше договариваемся на свежем воздухе, — обернувшись от окна, посмотрел

на меня генерал. — Пойдем, капитан. Чуть не назвал тебя по привычке старшим лейтенантом. Если назову невзначай, ты уж не обижайся... — И первым направился к двери. Взглянув на комбата и увидев его незаметный кивок, я последовал за Кабаковым. Генерал не стал дожидаться меня ни перед лестницей, ни после нее. И остановился, только выйдя через внутреннюю дверь во двор батальонного городка. Только там Сергей Павлович остановился и оглянулся, поджидая меня, отстававшего от него на шесть-семь шагов. Дальше, все так же молча, мы пошли рядом, пока не дошли до ближайшей скамейки. Генерал, тяжело вздохнув, сел. Сам я без разрешения садиться не рискнул, все-таки субординация давно, еще со времен училища, прочно засела в моем сознании. И начинать разговор я тоже не спешил, ждал, когда генерал заговорит первым. Он и заговорил. Вернее, спросил меня:

— Ну, чего молчишь?

— Жду, товарищ генерал, когда вы с меня возьмете подписку о «неразглашении», как в прошлый раз.

В первую нашу встречу с такой расписки мы и начали наш разговор.

— Ты ведь уже давал подписку. Или я что-то запамятовал?

— Так точно. Давал.

— Насколько я помню, подписка дается сроком на пять лет. Значит, старая еще действительна, и незачем бумагу почем зря переводить.

— Согласен, хотя, как я понимаю, вопрос стоит совершенно другой. Прошное дело закрыто и, наверное, находится уже в суде.

— Нет, — снова вздохнул Кабаков, — пока еще тянется следствие. Но скоро, надеюсь, дойдет и до суда. Весь вопрос в подписании материалов военной прокуратурой. А в подписке, кстати, говорится только о всех государственных, служебных и военных тайнах, которые станут тебе доступны в процессе работы. Правильно я понимаю, что любое новое дело тоже попадает под эту подписку?

— Вам виднее, товарищ генерал. Про себя могу сказать, что я человек не болтливый.

— Это я знаю... — махнул рукой Кабаков, и я понял, что какое-то определенное время находился «под колпаком» у ФСБ.

Я действительно замечал некоторое внимание к собственной персоне со стороны, но

не думал, что это ФСБ работает так неаккуратно. Человеку легко сменить внешность. Стоит лишь заглянуть в первый попавшийся подъезд, надеть очки с накладным носом и приклеить усы и брови. Все эти атрибуты, если они нанесены на лицо правильно, определить можно только при пристальном разглядывании, которое никто обычно себе не позволяет. В том же подъезде можно даже брюки сменить со светлых на полосатые. Но вот носки и брючный ремень, как правило, не меняют. Особенно это касается носков. И я дважды замечал, как за мной какой-то человек присматривает. Это было в выходной день, когда мы с женой ездили в областной центр на моем «китайце», что достался мне после прошлой совместной с ФСБ операции. Машина, на мой неприхотливый вкус, была неплохая, легкая в управлении, и мы каждый выходной стали ездить в Краснодар.

С прошлым заданием фээсбэшников я справился, как мне показалось, лучше, чем мог бы справиться любой из оперативников ФСБ. И дело здесь в простом. В самой ФСБ существует строгое разграничение — оперативники выполняют свою работу, специа-

зовцы — свою, которую принято называть действиями «по обеспечению». А нам, спецназовцам ГРУ, приходится, по сути, выполнять и оперативную работу, и при этом оставаться спецназом. Не думаю, что какой-нибудь оперативник из ФСБ в состоянии соревноваться со мной в фехтовании ножом. Со спецназовцами из их ведомства я на различных соревнованиях встречался, и школа ножевого боя ФСБ не произвела на меня никакого впечатления.

Эти мысли навели меня на новый вопрос:

— А что, товарищ генерал, вам снова понадобился чемпион, как вы в прошлый раз некрасиво, на мой взгляд, выразились, по «поножовщине»? Так я понимаю суть своего привлечения в ваши действия?

— Неверно понимаешь, — сухо ответил Сергей Павлович. — Но я тебе объясню. В данном случае вопрос упирается в то, что в своем расследовании мы столкнулись с утечкой большого объема оперативной информации. В данном случае мы расследуем деятельность сильного наркосиндиката, который кто-то крышует, — то ли из наших сотрудников, то ли из сотрудников МВД.

Это наша совместная с ними операция. Все наши сотрудники могут быть известны наркодельцам, а нам нужен свой человек для внедрения в банду и проведения некоторых активных действий. Вот я и вспомнил о тебе. Наркосиндикат, в просторечии — банда, производит и продает сильнодействующий синтетический наркотик. Надеюсь, что ты про него и не слышал. Это новое еще веяние. Но должен предупредить, что два наших сотрудника, которых нам удалось внедрить в банду, очевидно, погибли.

— Я не очень понимаю, товарищ генерал, вашу формулировку. Что такое «очевидно, погибли». Они или погибли, или не погибли. Третьего не дано.

— В том-то и дело, что они перестали выходить на связь, не подают никаких сигналов, и мы не знаем, что с ними случилось. Убить человека и спрятать тело так, чтобы его могли найти только случайно, — разве это сложно? Оба сотрудника — мои подчиненные, по званиям оба — капитаны, всегда положительно характеризовались по работе на службе и в быту. Для меня дело чести если не найти их, то хотя бы выяснить их судьбу.

Но это твоя последняя задача. Главная же — внедрение в банду, поиск и передача нам информации о самой банде и о лаборатории, которую мы уже больше года не можем найти.

— А что за лаборатория? — спросил я, разыгрывая наивность.

— Где этот синтетический наркотик и производится. Называется он красиво — «синий лён». Но при всей красоте названия — это весьма серьезный и губительный препарат, который ни в коем случае не должен уйти за границу. То есть его технология приготовления не должна уйти. Производится в значительных количествах не только для распространения в России, но и для поставок как раз туда, за рубеж. Правда, поставляется пока сам наркотик, а технология его изготовления остается в руках наших наркодельцов. И потому я сразу должен тебя предупредить: в лаборатории работает неопределенное количество ученых, большей частью молодые специалисты–химики, и их необходимо сохранить для наших собственных военных нужд. А сам наркотик и технологию его производства, возможно, потребуетя каким-то образом, с помощью тех же самых ученых-хи-

миков, превратить в оружие. То есть задача перед тобой ставится государственной важности. Можно сказать, что боевая задача по сохранению тайны производства новейшего вида оружия. Возьмешься за такое дело?

— Это дело вполне армейское и, мне кажется, не столько криминальное, сколько политическо-патриотическое. Будет приказано, и возьмусь, и выполню, товарищ генерал.

— Кем приказано?

— Ну, например, генералом Кабаковым.

— Тогда — приказываю! Однозначно...